

Скажи мне, бравый капитан,
Ведь должен ты знать ответ, —
Почему Зло царит и ангелы спят,
Когда дьявол включает свой свет?..

Том Уэйтс

Нет, не хотелось никогда услышать мне
Крик юной девушки в чужом тяжелом сне.
Ска-группа

The Specials

Душа под тяжестью греха летать не может.

Айрис Мердок, «Единогор»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВАМ КАЖЕТСЯ, ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО ТАКОЕ БОЛЬ?

Поговорите с моей второй женой. Она точно знает. Или думает, что знает.

Она говорит, что однажды, когда ей было девятнадцать или двадцать, она оказалась между дерущимися котами — ее собственным и соседским, — и один из них прыгнул на нее, взлетел по ней, как по дереву, располозовав ей бедра, грудь и живот, да так, что следы остались по сей день, изранив ее так серьезно, что она упала спиной на старинный сервант своей матери «Хузер», разбив ее лучшее керамическое блюдо для пирога и содрав шесть дюймов кожи со своих ребер, а кот снова бросился на нее, пуская в ход когти и клыки и шипя от ярости. Помнится, она говорила, что ей наложили тридцать шесть швов. А горячка от воспаления держалась несколько дней.

Моя вторая жена говорит, что это и есть боль.

Да ни черта она не знает, эта женщина.

* * *

Эвелин, моя первая жена, пожалуй, подошла к этому знанию ближе.

Вот картина, постоянно преследующая ее.

Она едет по скользкому от дождя шоссе жарким летним утром на арендованном «Вольво», ее любовник сидит рядом, машину она ведет медленно и осторожно, потому что знает, каким вероломным может быть только что выпавший дождь на горячем асфальте, и тут «Фольксваген» обходит ее и юзом влетает на ее полосу. Его задний бампер с номерами *Live Free or Die*¹ вскользь целует ее радиатор. Почти нежно. Остальное довершает дождь. «Вольво» тормозит, его заносит, он, скользя, несется на насыпь, и внезапно она вместе с любовником кувыркается в воздухе, в невесомости, и верх становится низом, а потом снова верхом. В какой-то момент рулевое колесо ломает ей плечо. И тут же зеркало заднего вида переламывает ей запястье.

Потом кувырки прекращаются, и она видит педаль газа над головой. Она пытается найти взглядом любовника, но его в машине уже нет, он исчез, испарился как по волшебству. Она нащупывает дверцу на стороне водителя, открывает ее, выползает на мокрую траву, встает на ноги и смотрит сквозь дождь. И видит картину, которая с этого момента будет преследовать ее всю жизнь — человек, похожий на кровавый мешок, освежеванный, с заживо содранной кожей, лежащий перед машиной в осколках стекла, забрызганного красным.

Этот кровавый мешок — ее любовник.

И потому она ближе к пониманию боли.

¹ «Живи свободным или умри» — девиз штата Нью-Гэмпшир (здесь и далее примечания переводчика).

Даже изо всех сил блокируя то, что знает. Даже если ей удастся спать по ночам.

Она знает, что боль — это не просто отклик на раны или жалобы ее собственного перепуганного тела на искореженную плоть.

Боль может работать внутрь — приходя извне.

Я имею в виду, что иногда то, что ты видишь, — это боль. Боль в самом жестоком, самом чистом виде. Когда ни таблетки, ни сон, ни даже шок или кома не могут эту боль притупить.

Ты видишь ее, ты вбираешь ее в себя. И тогда она — это ты.

Ты становишься носителем длинного белого червя, который грызет тебя и пожирает, заполняя твои внутренности, пока, наконец, однажды утром ты кашляешь, и тут выползает слепая белая голова этого нечто, высовываясь из твоего рта, как второй язык.

Нет, мои жены не знают этого. А если знают, то не вполне. Хотя Эвелин подошла близко.

Но я — *знаю*.

Для начала вам придется поверить мне.

Потому что я знаю это с давних-давних пор.

* * *

Я пытаюсь удерживать в памяти то, что все мы были детьми, когда все это случилось, просто детьми, едва вылезшими из наших енотовых шапок а-ля Дэви Крокет, толком не сформировавшиеся, бог ты мой... Трудно поверить, что то, чем я стал ныне, — это прежний я, только спрятавшийся и переодевший-

ся. Дети имеют право на второй шанс. Хотелось бы мне думать, что сейчас я использую свой.

Даже после двух разводов, неприятных разводов, червь будет неспешно глодать тебя.

И еще я хочу напомнить, что это были пятидесятые, время странных репрессий, секретов, истерии. Я думаю о Джо Маккарти, хотя с трудом припоминаю, думал ли я о нем вообще в то время; разве что пытался понять, что заставляло моего отца так спешить домой с работы каждый день, чтобы успеть к трансляции заседаний Комиссии¹ по ТВ. Я думаю о холодной войне. Об учениях на случай воздушных налетов в школьном подвале и о фильмах ядерных испытаний, которые нам показывали — разрывающиеся на части манекены из универмагов, и части эти разлетались по макетам гостиных, сгорая на лету. О номерах «Плейбоя» и *Man's Action*², завернутых в вощеную бумагу и спрятанных у ручья (со временем они плесневели так, что к ним противно было прикасаться). Я думаю об Элвисе, которого разоблачал преподобный Дайц в лютеранской церкви Благодати, когда мне было десять, а на шоу Алана Фрида в Парамант происходили рок-н-рольные баталии.

Я пытаюсь убедить себя, что в те годы вызревало нечто странное, какой-то великий американский нарыв,

¹ Речь о сенатской комиссии по расследованию антиамериканской деятельности и о ее главе, сенаторе Джозефе Маккарти, чья деятельность (печально известная «охота на ведьм») пришлась на 1950-е годы.

² «Дела мужские» — журнал комиксов с весьма жестокими историями.

готовый лопнуть в любую секунду. И что это происходило повсюду, не только в доме Рут, но *повсеместно*.

Иногда от этого становится легче смотреть.

На то, что мы делали.

* * *

Сейчас мне сорок один. А родился я в 1946-м, через семнадцать месяцев после того, как мы сбросили бомбу на Хиросиму.

Матиссу только что исполнилось восемьдесят.

Я зарабатываю сто пятьдесят тысяч в год, тружусь на Уолл-стрит. За плечами два брака, детей нет. У меня дом в Рае и квартира в городе, предоставленная моей компанией. Если я куда-то еду, то чаще всего на лимузинах, хотя в Рае сажусь за руль своего синего «Мерседеса».

Может статься, что вскоре я снова женюсь. Женщина, которую я люблю, понятия не имеет о том, что я здесь пишу, — как и прочие мои жены, — и я не знаю, соберусь ли когда-либо рассказать ей все. Да и зачем? Я успешный, уравновешенный, щедрый, заботливый и внимательный любовник.

И всё в моей жизни пошло наперекосяк с лета 1958-го, когда Рут, Донни, Вилли и все остальные познакомились с Мег Лафлин и ее сестрой Сьюзан.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Я был один у ручья, лежал на животе поперек Большого Камня с жестяной банкой в руке. Я вычерпывал раков. Два рака уже копошились в большой бан-

ке, стоявшей рядом со мной. Малыши. Я охотился за их мамашей.

Ручей струился по обе стороны от меня. Я чувствовал брызги на моих голых ступнях, свисавших над потоком. Вода была холодной, солнце — теплым.

Я услышал шевеление в кустах и поднял голову. Самая красивая девочка из всех виденных мною улыбалась мне с насыпи: длинные загорелые ноги, длинные рыжие волосы, завязанные сзади в хвост, шорты и выцветшая блуза с распахнутым воротником. Мне было двенадцать с половиной. Она была старше.

Помнится, я улыбнулся в ответ, хотя редко проявлял дружелюбие по отношению к незнакомцам.

— Раки, — сказал я и вытряхнул воду из банки.

— Серьезно?

Я кивнул.

— И крупные?

— Эти? Нет. Но бывают и крупные.

— А можно посмотреть?

Она скатилась с насыпи, как это делают пацаны, не так, чтобы сначала присесть, а просто — оперевшись левой ладонью на землю и сразу же — трехфутовый прыжок на первый большой камень в линии камней, зигзагом рассыпанных на воде. Она изучала эту линию не дольше секунды и быстро перебралась на Камень. Я был поражен. Она ничуть не колебалась и идеально держала равновесие. Я подвинулся, давая ей место. И вот внезапно рядом со мной — облако чудесного запаха, аромат чистого тела.

У нее были зеленые глаза. Она осмотрелась вокруг.

В те времена для всех нас Камень был чем-то особенным. Он лежал ровно посередине самой глубокой части ручья. Чистая и быстрая вода обтекала его с двух сторон. Если сидеть, на нем помещалось четверо пацанов, если стоять — шестеро. Камень был и пиратским кораблем, и «Наутилусом» капитана Немо, и каноэ для ленни-ленапе¹, и чем угодно еще. Сегодня вода поднялась на три с половиной фута. Похоже было, что девочке радостно здесь — она не выказывала ни капли страха.

— Мы называем его Большой Камень, — сказал я. — В смысле, раньше называли. Когда еще были детьми.

— Мне нравится, — сказала она. — Так можно посмотреть на раков? Я Мег.

— Я Дэвид. Конечно, можно.

Она заглянула внутрь банки. Шло время, а мы не произносили ни слова. Она внимательно изучала раков. Потом снова выпрямилась.

— Здорово.

— Я просто ловлю их, рассматриваю, а потом отпускаю.

— А они кусаются?

— Большие кусаются. Но поранить не могут. А маленькие просто стараются удрать.

— Они на омаров похожи.

— Ты никогда раньше не видела раков?

— Не думаю, что они водятся в Нью-Йорке. — Она рассмеялась. Я не обиделся. — Вот омары у нас были. *Они* могут поранить всерьез.

¹ Они же делавары, индейцы в США и Канаде.

— А дома держать их можно? В смысле, как питомца, домашнего?

Она снова рассмеялась.

— Нет. Их едят.

— Раков тоже держать нельзя. Умирают. Живут день-два от силы. Я слышал, их тоже едят.

— Серьезно?

— Да. Кое-кто ест. В Луизиане или во Флориде. Где-то там.

Мы заглянули в банку.

— Ну не знаю, — сказала она, улыбаясь. — Тут и есть-то нечего.

— Давай поймаем больших.

Мы лежали поперек Камня рядом друг с другом. Я взял банку и погрузил обе руки в поток. Фокус был в том, чтобы переворачивать булжники на дне по одному, медленно, чтобы не замутило воду, и держать банку наготове для того, кто выскочит из-под камня. Вода была настолько глубокой, что мне пришлось закатать рукава рубашки до самых плеч. Я понимал, какими длинными и тощими казались ей мои руки. Мне они казались именно такими.

Рядом с ней я испытывал странное чувство. Неловкость, но и волнение. Она отличалась от всех других девчонок, которых я знал, от Дениз или Шерил из нашего квартала, и даже от девочек в школе. Во-первых, она была раз в сто красивее. На мой взгляд, даже красивее Натали Вуд. И, наверное, она была умнее девчонок, которых я знал. Более искусственная. В конце концов, она жила в Нью-Йорке и ела *омаров*. И двигалась как мальчишка. Сильное крепкое тело и естественная грация.

Из-за всего этого я нервничал — и упустил первого. Рак не был огромным, но побольше тех, что вочалясь в банке. Он тут же, быстро шедея задом, рванул под Камень.

Она спросила, можно ли ей попробовать. Я протянул ей банку.

— Нью-Йорк Сити, а?

— Ага.

Она закатала рукава и опустила руки в воду. Тогда я и заметил шрам.

— Боже. Что это?

Шрам начинался в ложбинке сгиба левой руки и тянулся до самого запястья, как длинный извилистый червяк. Она заметила, что я смотрю на ее руку.

— Авария, — сказала она. — Мы были в машине.

И опять повернулась к воде, где медленно колебалось ее отражение.

— О боже.

Но она, похоже, не хотела продолжать этот разговор.

— У тебя и другие есть?

Не знаю, почему шрамы всегда привлекают мальчишек, но это правда. Простой жизненный факт, и я ничего не мог с этим поделать. Не мог заткнуться. Даже зная, что она ждала этого от меня, ведь мы только что познакомились. Я наблюдал, как она переворачивает камень на дне. Под ним ничего не оказалось. Но она все сделала правильно: воду ничуть не замутила. Я подумал: а ведь Мег великолепна!

Она пожала плечами.

— Есть еще несколько. Но этот самый большой.